

вполне конкретные звуки. Так, он слышит, как “вполголоса скрипят коростели...”, неоднократно воспроизводит звуки колокола: “Сердце в них находило всегда какую-то влагу, Точно как будто росой ночи омыты они...”. Или еще ярче в стихотворении о смерти “Грезы”, в котором описан сон, светлый по тональности: умерший слышит колокольный звон, звуки колокола “радостнее всех голосов земли”, они рожают откровение: “Просияв душой, я понимаю, Что счастье в этих звуках. – Вот оно!”. Этот светлый, до чрезмерности, даже выпренности, ряд продолжается: “в груди восторг...” и, наконец, желание “на волне ликующего звука Умчаться вдаль, во мраке потонуть”.

Земной звук влечет к иноприродному, растворению в мире ином. Или же, в другом стихотворении, к миру райскому: весна позволяет поэту пережить “несбыточное в нашем бедном мире”, это райское начало пробуждается в душе под воздействием всего расцветающего, ожившего, заговорившего, оно “звуки неба принесло Из растворенных врат Эдема”. Так весна (“Пришла – и тает все кругом...”) распахивает райские врата, делает слышимыми небесные звуки.

Тонки и изысканны у Фета описания музыки, музыкального звука и его душевного отзвука: “Зачем же за тающей скрипкой Так сердце мое встрепенулось...”; “Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали, Как и сердца у нас за песню твоей”; “О дитя, как легко средь незримых зыбей Доверяться мне песне твоей...”. Звуки музыки рожают в душе жажду полета, жажду горнего.

Поэт способен слышать не только самые утонченные звуки, но и то, что неслышимо обычному слуху – звук бытия. Вспомним пушкинское: пророк, после преобразования слуха (“Моих ушей коснулся он...”), слышит неслышимое в небесах и на земле: “...неба содроганье, И горний ангелов полет, И гад морских подводный ход, И дольней лозы прозябанье”. Так отверстый Серафимом, одухотворенный слух пророка слышит в мире само его бытие. Или же в стихах А.К. Толстого: “И слышу я, как разговор Везде немолчный раздаётся, Как сердце каменное гор С любовью в темных недрах бьётся, С любовью в тверди голубой Клубятся медленные тучи...” – духовный слух позволяет слышать неслышимую речь мира, неслышимое движение, которое исполнено любви, пронизывающей мир.

Нечто подобное и в стихах Фета, в его восприятиях мира духовным слухом. Поэт “внимает” (пушкинский глагол) всему трепету земного бытия: “Весь трепет жизни молодой Мне будет *внятен* отовсюду”.

Мир горний также доступен его восприятию – лишь “одним толчком” достаточно оттолкнуться от земного: “Одной волной подняться в жизнь иную, *Учуять* ветер с цветущих берегов...”.

Созерцая звезды, поэт слышит их музыку: “Я *слушал* таинственный хор...”. Вместе с хором звезд – и славословие ангелов: “Звездный хор к иному хору Слухом трепетным приник”. Надмирная хвала горних духов